

«...И до конца пронес великолепное прозрение»

Как намертво, казалось, вогнано было в наши клетки и растворено в них без осядка «святое» неприятие тех, кто «привязал себя к колеснице белого движения». Как однозначно значимым казалось разоблачение их духовного убожества, растленности, антинародной сущности и бесперспективности обращенных в прошлое идеалов..

Именно так воспринимался мною (только ли мною?) увиденный когда-то давно во МХАТе спектакль по Булгакову «Дни Турбиных». И гибель идеалов тех, кто впрягся в колесницу белого движения, казалось, органично должна вести к гибели физической. И отсутствовала жалость к героям, чью жизнь перебило на самом рассвете. И это не представлялось по отношению к ним жестоким, немилосердным: ведь думалось и чувствовалось с «классовых святых» позиций.

Недавно, уже в московском «Современнике», я вновь смотрела «Дни Турбиных». И была потрясена: не оригинальностью режиссерского решения, не актерскими работами, а своим состоянием, невероятно отличным от того, что вынесла с этого же спектакля когда-то.

Великое и мучительное, что создано Булгаковым, ко времени сегодня. Как будет

ко времени всегда, когда идет процесс очищения, когда человек и общество возвращают себе и в себе высокое нравственное начало. Когда утверждается «вера среди безверия, дело среди безделия, любовь среди безлюбия».

Мы многое сегодня переоцениваем в позитивном плане. Мы возвращаем себе и в себе чувство милосердия. Мы, наконец, отказываемся от работы мысли и души только в двух красках: черной и белой. И нам еще предстоит во всей полноте почувствовать, как велика и бесценна помощь нам в этом булгаковской особой этики, несущей в себе черты христианской нравственности. И станет естественной щемящая боль к трагедии его героев, которые пришли в мир, чтобы жить, а им пришлось мучиться и умирать.

Из всех — полярных и противоречивых (порой от веяний времени) высказываний о Булгакове классиков советской литературы мне импонирует фадеевское: «И люди политики, и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью...».

Чистая совесть художника перед сегодняшними и будущими читателями делает произведения Булгакова и его имя поистине бессмерт-

ными. «...Вот это я тебе взамен могильных роз. Взамен кадильного куренья. Ты так сурово жил. И до конца пронес великолепное прозрение...», — оставит о нем строки Анна Ахматова.

...Миновал шумные магистрали Киева, как в оазис, окунаешься в тихую зеленую улочку с бирюзово-белым чудом — Андреевской церковью. Само по себе великое творение великого Растрелли, здесь, на этой тихой улочке, еще и ориентир к другому великому Мастеру. Завернув за церковь, попадаешь в начало крутого, змейкой сбегającego к Подолу, вымощенного плиткой (и оттого по-старинному уютного) извоза — так киевляне по традиции называют Андреевский спуск.

Успокаивает, уводит от суеты и суетности неспешный этот спуск, без грохота транспорта, со старинными особняками, украшенными резными башенками, остроконечными шпилями, с корчмой и салонами художников...

Я всматривалась в номера домов. Вот он, под номером 13. На улицах бушует солнце, а здесь, в тесной квартире из трех комнат, отданных под музей (пока не весь дом), благоговейная тишина, рождающая чувство прикосновения к таинству творений Булгакова: письменный стол,

давали в жизни, — тишиной».

Так автор романа «Мастер и Маргарита» дарует Мастеру покой — высшее для Бул-

100 лет

со дня рождения

Михаила

Булгакова

кушетка, примус с отброшенной и спасенной от огня рукописью (видимо, в момент отчаяния сие задумывалось ее автором), пишущая машинка с заложенным в нее листом, где муками выведены строки письма к вождю народов...

«Мастер шел со своею подругой в блеске первых утренних лучей через каменный мшистый мостик. — Слушай беззвуче, — говорила Маргарита Мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами, — слушай и наслаждайся тем, что тебе не

гакова милосердие по отношению к человеку, прожившему скорбную жизнь в согласии с совестью.

Такую жизнь прожил и сам Булгаков. Он покинул этот мир, не пережив и не узнав всего того, чем с тех пор умудрил нас наш собственный жизненный опыт. Но вчитаясь в его произведение «Бег», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»... И почувствуешь, как их создатель «до конца пронес великолепное прозрение».

С. ЯГМУРОВА.